

Неблагодарный трудоголик разжеван и выплюнут матерым отцом семейства

Андрей Житинкин не любит интриги

7 февраля у **Андрея Житинкина** официально истек контракт его работы в должности главного режиссера Театра на Малой Бронной. Контракт не был продлен директором театра **Ильей Коганом**. И все это накануне дорогого (в смысле денег) премьерного спектакля «**Анна Каренина**», намеченного на 16 февраля. Чтобы разобраться со скандальной ситуацией, и без того раздутой в прессе, мы поступили бо- чем просто: поговорили с обеими заинтересованными сторонами – творческой и администраторской

Россия. - 2003 - 11 февр. - с. 6

Житинкин скандалит по накатанной

— Особо дотошные уже подметили, что фамилия Житинкин — шестая в ряду избавлений Театра на Малой Бронной и его бесценного директора **Ильи Когана** от неугодных режиссеров за последние 25 лет. Вот такая планка у Малой Бронной.

— А что с письмом?

— О подобных ситуациях я и раньше был наслышан, но, как человек нового поколения, не допускал мысли, что сам в них попаду. «Отрыжка совка», как я все это называю. Директор театра **Илья Коган** запустил в труппу письмо на имя его — директора **Ильи Когана** — с просьбой не продлевать мне контракт на посту худрука. А потом стал вызывать по одному в свой кабинет актеров театра и откровенно давить на них. Половина труппы письмо подписала, другая половина — нет.

— Кто не подписал?

— Олег Вавилов, Георгий Мартынюк, Геннадий Сайфулин, Альбина Матвеева.

— Громкие имена. Но почти все они участвуют в вашей последней премьере на Бронной — в «**Анне Карениной**». А Дуров подписал?

— Он сам — нет. Но его жена, дочь и зять подписали. Но, кстати, самого письма никто в глаза не видел. В любом случае я могу рассматривать письмо как злостную анонимку. Но Коган между тем пошел с ним по высоким коридорам.

— Откуда такая неприязнь 82-летнего человека к вам: ему ли по ваше не нравится или сексуальные сценические опыты?

— Нет, нет. Он боится потерять контроль над ситуацией, лидерство. В последние годы Малая Бронная была его личным театром, и выпускать из рук такое счастье он не пожелает. Типичный ортодокс. Коган к людям творческим относится довольно цинично. Говорил, что я — последний режиссер в его жизни. И пока он не вмешивался в творчество, его можно было терпеть. Однако со временем он начал вступать в распределение ролей... А то что это: Домогаров, Крюкова — артисты из Театра имени Моссовета, а тут,

понимаешь, свои без дела сидят...

— Что ж, отчасти справедливое требование, но цель была — поднять Бронную из руин, если не ошибаюсь. В чем же ваша оплошность?

— Устав Бронной писан под Когана. Он как директор заключает контракт с городом, а все остальные заключают контракт с ним. И у него много старых добрых знакомых в Комитете по культуре при правительстве Москвы.

— Так последней каплей...

— Он собрал коллегию в жанре товарищеского суда на тему «Почему Анна Каренина — морфинистка?».

— А вы что?

— Не надо бороться с нравственностью или безнравственностью Житинкина. Возьмите с полки книгу и почитайте. У Толстого шесть мест в романе, где Каренина принимает морфин, и одно место, где — опиум.

— Вы не пошли на попятную?

— Я выступал и выступаю за провокативный театр. За разрушение канонов. Но любое мое разрушение исходит от автора. Могу напомнить слова Цветаевой: «Творению предпочитаю творца». И с самого начала я сказал артистам, что спектакль будет про «это»...

— Так откровенно?

— А как же? Страсть есть пленение духа душою. Ноу-хау спектакля — показать самую искреннюю любовь Каренина к Анне, но врывается страсть, страсть Анны и Вронского, и она все ломает. Художник **Андрей Шаров** придумал кинетические декорации... Неистовые вихри... Красивые артисты...

— А паровоз?

— Обязательно. Финал. Рельсы. Паровоз. Очень милый паровоз, какой — не скажу. Это интрига для зрителя.

— И финал для вас.

— Надеюсь, Комитет по культуре не оставит всю эту нездоровую ситуацию с Бронной без внимания.

Самое скверное, что в этой ситуации сложно принять чью-либо сторону. У Житинкина есть одно неоспоримое качество: он настоящий театральный труженик, для которого единственная заслуживающая внимания вещь — его спектакли со звездным составом, шокирующей интригой, громким пиаром. Бродвей, да и только. Конечно, ему сложно считаться с малоизвестными артистами Малой Бронной, нянчиться с ними, объяснять, почему так часто он раздевает мужчин и чуть реже — женщин. Но тогда действительно остается спалить все государственные театры с их косностью и пережитками. И еще с их званиями, статусами, бесплатными квартирами и другими благами, о которых так быстро забывают. Андрей знал, куда шел.

Коган тоже не спешит на ладан дышать

— Везде мне тыкают в мой возраст — 82 года. А если я скажу, что у меня двухлетний ребенок, что в маразм не впадаю и в слабоумии не замечен? Говорят: «Коган — маньяк», «Коган — серийный убийца!» — потому что я, видите ли, «убил» шестерых режиссеров. Но разве так все было? Анатолию Эфросу, после того как Любимова лишили гражданства, ЦК компартии предложил стать главрежем на Таганке. Он ушел туда, что, на мой взгляд, было большой ошибкой. Режиссер и актер **Евгений Лазарев**, поняв, что с режиссерством у него мало что получается, решил уйти обратно в Маяковку. Но Гончаров его не взял. **Владимир Портнов** работал здесь прилично, и мы даже выбили ему квартиру, но... Вдруг он срочно оформляется и уезжает в Израиль. Выясняется, что туда же уехала его любимая женщина — актриса. Правда, ему не повезло: там эта актриса все равно вышла замуж за другого. Может, меня и в этом обвинят? Кто еще остался? Женовач? **Сергея Женовача** мы приняли в штат вместе с его 12 актерами, и оказалось, что создали театр в театре. Мало того что он ставил спектакли, не пользовавшиеся успехом, так еще и с труппой не работал. Но и ему — бедному, несчастному — мы дали квартиру. Так что не беспокойтесь: все они в порядке.

Илья Коган умеет говорить с властями

— **Илья Аронович**, так за что вы «не продлили» Житинкина? Работал как вол, яркие спектакли, опять-таки — доход...

— Работал. На себя. И за счет театра делал себе имя. В течение двух лет Андрей оставался главным режиссером исключительно своих спектаклей. Да и режиссером он не был, так — постановщиком. Мы терпели его, и он должен быть за это благодарен.

— А правда, что это письмо вы сами подбросили в труппу?

— Глупость какая. Что я, мальчишка? Я и без письма не подписал бы с ним нового контракта. Актеры говорят мне, что на каждый спектакль Андрей приглашает звезд со стороны, а сначала уверял, что видит в труппе большой потенциал. Вот и в последнем спектакле — приглашенная Анна, приглашенный Вронский. Уверю: это не более высокие таланты, чем те, что есть у нас. Бронная — это государственный театр, и надо учитывать мнение всего коллектива. Но Андрей не смог понять этого и за десять лет работы в Театре Моссовета. Если бы вы знали, с каким облегчением они вздохнули, когда мы забрали у них Житинкина: они откровенно соболезновали нам.

— Так зачем же вы взяли его?

— Инициатива приглашения принадлежала нескольким актерам, участвовавшим в спектакле «**Нижинский**». И теперь эти люди — **Антоненко**, **Луконина**, **Шабалтас** — сами же выступили против продления Житинкину контракта.

— А если власти, на которых Андрей уповает, вмешаются?

— Как вы думаете: неужели я с моим-то жизненным опытом не разговаривал с властями, принимая для себя это решение?

— Но премьера «**Карениной**» состоится?

— Я заключил с Житинкиным договор еще на две недели. Как раз по 16 февраля. Его гонорар за это время составит 30 000 рублей. Хотя спектакль обошелся театру в копейчку. И, к сожалению, будет недолговечен.

— Почему?

— Приглашенный со стороны **Андрей Шаров** — не театральный художник. На подиуме он что-то собой представляет, но в театральном деле не силен: приходится все время ему в помощь специалистов приглашать. Так вот он очень любит белый цвет — на актерах белые костюмы, белое оформление сцены и прочее. Все это быстро изнашивается. Жалко. Да и с этической стороны... Семь артистов положили мне на стол заявления с единственной фразой: «Не желаем участвовать в этой пошлости». Хотя я-то думаю, что после всех пересудов Житинкин тактически сделает довольно чистенький спектакль.